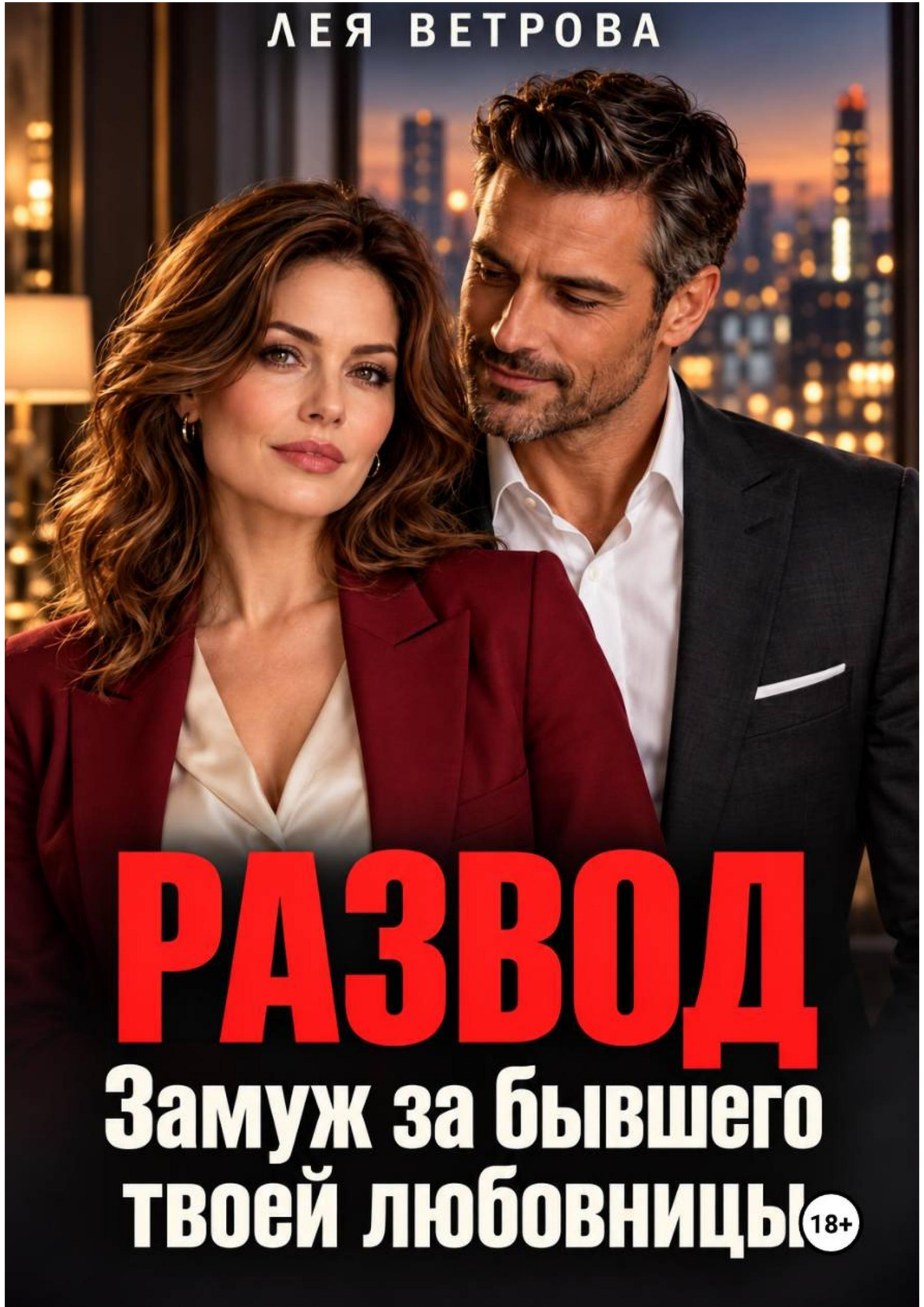

ЛЕЯ ВЕТРОВА

A man and a woman are shown in a romantic pose. The woman, with long wavy brown hair, is wearing a red blazer over a white top. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark suit jacket over a white shirt. They are standing in front of a city skyline at night, with lights from buildings visible in the background.

РАЗВОД

Замуж за бывшего
твоей любовницы

18+

Лея Ветрова

**Развод. Замуж за бывшего
твоей любовницы**

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. Замуж за бывшего твоей любовницы / Л. Ветрова —
«Автор», 2026

— Кристина переезжает ко мне, — объявляет муж. — Мама Ники? Ты уходишь к маме одноклассницы нашего сына? — Полин, мы взрослые люди. Давай без скандала. Десять лет брака заканчиваются между ужином и мытьём посуды. Муж восемь месяцев спит с другой, а теперь собирается забирать нашего сына на выходные в свою новую семью. Уже всё придумал. Мне осталось только согласиться. Вот только у Кристины тоже есть муж. Данила Орлов. Сдержанный, упрямый и преданный той же женщиной, что разрушила мою семью. Мы встречаемся у школьных ворот, помогаем друг другу и слишком долго делаем вид, что между нами ничего нет. А потом он остаётся у меня до утра. И бывший муж приходит за сыном раньше, чем мы договаривались.

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мама его одноклассницы	5
Глава 2. Муж другой женщины	10
Глава 3. Удобной больше не будет	15
Глава 4. Там, где я должен быть	20
Глава 5. На одной стороне двери	25
Глава 6. Наши выходные	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лея Ветрова

Развод. Замуж за бывшего твоей любовницы

Глава 1. Мама его одноклассницы

— Я снимаю квартиру. Кристина переезжает ко мне, — говорит Миша, пока я собираю со стола тарелки. Он придерживает свою, чтобы я не унесла, хотя ужин уже остыл и есть он больше не собирается. Лёва только что убежал в комнату достраивать гараж; на краю стола лежит оставленная им жёлтая деталь, и я сначала смотрю на неё, потом на мужа. Мне хочется переспросить про квартиру. Это слово хотя бы знакомое, понятное, а всё остальное я пока не могу соединить с нашей кухней.

— Какая Кристина?

Он отодвигает тарелку. Всё-таки разрешает её забрать. Я ставлю посуду в раковину, слишком близко к краю, и придерживаю ладонью, когда верхняя тарелка съезжает.

— Орлова. Мы с тобой о ней говорили.

— Мы много о ком говорили. С работы?

— Полин, ну зачем ты так? Кристина, мама Ники.

Из комнаты сына доносится грохот: наверное, обрушилась крыша гаража. Он сердито сопит, что-то сдвигает по полу. Я жду, не позовёт ли он меня, и всё ещё держу тарелки, хотя они давно стоят ровно. Мама Ники. Та самая женщина, которая первого сентября поправляла дочери белый воротничок и попросила меня снять их вместе на её телефон. Лёва потом потянул девочку за рукав, показал коробку с цветными карандашами, а мы с Кристиной обсуждали, удобно ли сдавать деньги на подарки сразу за весь год. Миша стоял рядом. Он даже забрал у меня букет, чтобы мне легче было фотографировать.

— Вы встречаетесь?

— Да.

— С первого сентября?

Он трёт большим пальцем костяшку указательного. Я знаю это движение: так он выслушивает неприятные разговоры с арендаторами. Обычно потом произносит «давайте без эмоций», и человек на другом конце провода начинает объяснять всё ещё громче.

— Восемь месяцев.

Я сжимаю край раковины. Вода из крана попадает мне на запястье: я успела открыть её и не заметила. Восемь месяцев — это ещё зима. В феврале мы всей семьёй болели, я ночевала возле Лёвы, Миша бегал в аптеку. В марте водил меня в ресторан на день рождения. Я тогда купила новое платье и несколько раз спросила, нравится ли ему, а он смеялся и просил перестать вертеться перед зеркалом.

— Где вы познакомились?

— На мероприятии. Она организовывала открытие у клиента.

— И ты не знал, что её дочь будет учиться с нашим сыном?

— Когда познакомились, не знал. Потом выяснилось. Полина, я не ради допроса начал этот разговор.

Закрываю кран. Становится слышно, как Лёва перебирает детали. Миша сидит в домашней футболке с растянутым воротом. Я покупала её вместе с двумя другими, потому что он терпеть не может выбирать одежду. В рубашке мне, наверное, было бы проще смотреть на него.

— Тогда ради чего?

— Хочу всё сделать нормально. Без скандала, без грязи. Мы взрослые люди, у нас ребёнок.

— Это ты сейчас вспомнил?

— Я всегда о нём помню. Поэтому и говорю сначала тебе. — Миша поднимает глаза, и я замечаю раздражение, которое он пока сдерживает. — Мы подадим на развод, договоримся, как жить дальше. Я не собираюсь вас бросать без денег, квартира пока остаётся вам. Лёву будем забирать по выходным, у него с Никой хорошие отношения. Для него даже лучше, если рядом будет знакомый ребёнок.

— Кто «мы»?

— Мы с Кристиной. Полин, ты же поняла. — Он откидывается на спинку стула, поглядывает в сторону комнаты сына. Я попросила его сходить на ближайшее родительское собрание, и он обещал только постараться. Про выходные с чужой женщиной он говорит увереннее.

— Нет, не поняла. Ты восемь месяцев спишь с мамой Лёвиной одноклассницы, а теперь рассказываешь мне, как им будет весело вдвоём?

— Не надо такими словами.

— Какими? «Спишь»? Ты же не на чай к ней ходил.

Лёва не выходит. Мне хочется позвать его сюда, посадить между нами, заставить Мишу повторить каждое слово. От этого желания я пугаюсь и закрываю дверь, придерживая ручку, чтобы не щёлкнул замок. Потом возвращаюсь к раковине; лучше мне держаться подальше от мужа.

— А Никин папа куда денется?

— Там давно всё закончилось.

— Сегодня она пришла за дочерью с ним.

Миша чуть медлит. Я не знаю, пришла ли она сегодня с мужем: Лёву забирал он. Но первого сентября этот мужчина точно был рядом. Высокий, с пятном дождя на куртке. Ника держала его за руку. Я запомнила, как он наклонился, когда дочь что-то сказала ему на ухо: всерьёз, не продолжая смотреть вверх её головы.

— Они общаются из-за ребёнка, — отвечает Миша. — Это неизбежно. Мы с тобой тоже будем общаться.

— Он знает про тебя?

— Полина, это их дело. Не надо лезть в чужую семью.

— Ты в мою уже залез. Вместе с ней. А теперь учишь меня, куда можно смотреть? — Голос срывается на последнем слове. Я вытираю руки полотенцем и зачем-то складываю его пополам, хотя теперь всё равно нужно отправлять в стирку.

— Я понимаю, что тебе больно.

— Не надо. Не сейчас. — Я выпускаю полотенце. Оно падает на пол между нами, и мы оба смотрим вниз, словно кто-нибудь обязан его поднять. Мне хочется оставить его там, чтобы Миша хотя бы не подходил ближе.

Он подходит ко мне, и я отступаю к холодильнику. Миша собирался обнять меня за плечи: я узнаю движение ещё до того, как он протягивает руку. После наших ссор я утыкалась носом ему в шею и переставала злиться. Сейчас я могу думать только о том, что он трогал другую женщину, а потом возвращался и гладил меня по спине.

— Не прикасайся ко мне.

— Я просто хочу, чтобы ты успокоилась.

— Я не кричу. — Говорю нарочно тише. Он морщится, и я понимаю, что сейчас любой мой ответ будет неподходящим: я должна была выслушать, согласиться и спросить, сколько рубашек положить ему в сумку.

— Пока нет. Но ты уже начала цепляться за каждое слово. Давай хотя бы попробуем услышать друг друга.

— Ты любишь её? — Он остаётся близко, и я даже вижу царапину возле подбородка: порезался утром, когда брился. Мы тогда говорили, что у машины пора менять резину. Неужели он уже думал, как вечером расскажет мне про другую?

— Да. Я бы не стал уходить из семьи просто так. — Миша выдыхает и чуть отодвигается. Он приготовил ответ, но всё равно смотрит мимо меня, на расписание Лёвиных уроков, приклеенное к холодильнику.

Я киваю, хотя ничего не собиралась подтверждать. За десять лет мы ссорились и мирились, и я ещё пытаюсь поверить, что всё происходит как обычно. Рядом с расписанием приклеен летний снимок: я в Мишиной кепке, он держит Лёву на плечах. Мы тогда промокли у озера и ели в машине холодные пирожки. Не могу вспомнить ни одной минуты, когда чувствовала, что мужу рядом с нами плохо.

— Почему ты ничего не говорил?

— А что бы изменилось? Ты бы начала стараться, обижаться. Мы бы ещё полгода выясняли отношения. Я не хотел тянуть.

— Восемь месяцев не хотел?

— Она тебя ждёт? — спрашиваю, когда он берёт телефон и сразу разворачивает экран к себе. Раньше я обиделась бы на это движение. Сейчас хотя бы не приходится притворяться, что мне показалось.

— Мы договорились созвониться. Я не буду при тебе.

— Какая забота.

На столе остались две котлеты. Я обещала пожарить их Мише, он жаловался, что не успевает поесть на работе. Хочется швырнуть тарелку ему под ноги. Я открываю холодильник и ставлю внутрь ещё тёплую сковородку. Муж делает движение, словно собирается объяснить, что так нельзя, но вовремя останавливается.

— Собери вещи, — говорю я. — На несколько дней. Остальное заберёшь потом.

— Я и так собирался постепенно переезжать. Не обязательно всё прямо сегодня.

— Обязательно. Я не хочу лечь рядом с тобой и ждать, пока ты заснёшь. Я сейчас даже смотреть на тебя не могу.

— А Лёва? Что я ему скажу?

— Что поживёшь отдельно. Остальное мы обсудим без него. Но про ваши выходные с Кристиной ты ему сегодня ничего не обещаешь.

Он качает головой и открывает кухонную дверь. Сын тут же зовёт его посмотреть гараж. Я слышу привычное: «Ничего себе, сколько у тебя тут машин». Лёва объясняет, что грузовик не пролезает в ворота. Я жду, когда муж скажет ему про отъезд, но Миша идёт в спальню за сумкой.

Я догоняю его у шкафа. Он аккуратно складывает рубашку на кровать, и мне хочется вырвать ткань из рук. Пахнет его туалетной водой, на комод лежит бельё после стирки. Я ещё утром думала, что вечером наконец разберу его.

— Ты ему скажешь, — произношу я негромко. — Сам. Я рядом посижу.

— Я скажу. Не надо контролировать каждое моё движение.

— Я не твою рубашку контролирую, Миша.

Он бросает в сумку зарядку, вынимает, проверяет, не моя ли. Заботится, чтобы мне осталось чем заряжать телефон. Когда он закрывает шкаф, я смотрю на пустые плечики и хватаюсь за дверцу, чтобы не дать открыть её снова. Мне стыдно за это движение, но отпустить сразу не получается.

— Полин, — говорит он уже мягче. — Я же не пропадаю. Ты можешь позвонить, если что-то нужно.

Я убираю руку. Не отвечаю, потому что могу попросить его остаться, если открою рот. У меня всё ещё есть это желание: удержать человека, который только что сказал, что любит другую. Миша идёт в ванную за зубной щёткой, и я наконец отступаю от шкафа.

Лёва сидит на ковре, вытянув ноги в носках. Увидев сумку, он сразу перестаёт двигать грузовик. Миша опускается рядом на корточки, а я сажусь на край кровати сына. Конструктор, разложенный по полу, не даёт подойти ближе, и приходится нагнуться, чтобы убрать из-под пятки маленькое колесо.

— Лёв, я некоторое время буду жить в другой квартире, — начинает муж. — Но к тебе буду приезжать. Мы с мамой...

Он смотрит на меня. Я не помогаю ему закончить.

— Нам сейчас лучше пожить отдельно, — добавляет он. — Это не из-за тебя. Ты вообще ни при чём.

— Потому что я гараж не убрал?

Сын переводит взгляд с него на меня. Кожа вокруг носа у него красная: он опять тёр её рукавом. Я сажусь на пол, подтягиваю к себе его ногу и снимаю с носка прилипшую деталь.

— Нет, зайчик. С гаражом всё нормально. Мы с папой не договорились друг с другом. Ты тут ничего не сделал.

— А договоритесь когда?

Я смотрю на Мишу, почти умоляя не говорить «скоро». Он кладёт руку сыну на затылок и осторожно притягивает к себе, но Лёва пока не обнимает его. Его ладони лежат на коленях, пальцы стиснуты.

— Пока не знаю, — отвечает муж. — Я всё равно твой папа. В выходные увидимся.

— В субботу к бабушке надо.

— Значит, в воскресенье. Созвонимся с мамой и решим.

Лёва обхватывает его за шею. Я отворачиваюсь к окну: хочется положить ладонь на Мишину спину и прижаться к ним обоим, как я делала сотни раз. Дожидаюсь, пока они разомкнут объятие, и встаю первой. В прихожей муж предупреждает, что завтра переведёт деньги. Я прошу закрыть дверь потише, и он выполняет просьбу так старательно, что замок почти не слышно.

Сын выходит следом с грузовиком без кабины. Заглядывает на кухню, в нашу спальню и снова смотрит на дверь. Я убираю со стола и ловлю себя на том, что оставила Мишину чашку на прежнем месте, возле хлебницы.

— Папа будет там один?

Я не успеваю придумать ответ. Он задаёт следующий вопрос, и я цепляюсь за него, понимая, что к первому ещё придётся вернуться.

— Он вечером кино включит? Мы же начали про роботов.

— Можем с тобой досмотреть завтра. А сегодня пора мыться, уже поздно.

Он не спорит, поэтому я иду с ним в ванную, хотя последнее время он всё чаще закрывает передо мной дверь. Помогаю настроить воду, жду, пока он чистит зубы. В зеркале видно его маленькое лицо, щётку в пене, торчащий вихор. Я считаю минуты до сна, надеясь успеть дойти до кухни, прежде чем разревусь.

В постели Лёва просит оставить дверь открытой. Я поправляю одеяло, сажусь возле него. Он тянет меня за рукав и спрашивает, уйду ли я тоже. Я отвечаю, что сегодня никуда не пойду, что утром разбужу его и отведу в школу. Про всю будущую жизнь я сейчас ничего не могу сказать уверенно, но наш завтрак и дорогу обещаю. Он долго вертит край наволочки, потом прижимается щекой к моей ладони. Я остаюсь, пока пальцы на ткани не разжимаются; ещё несколько минут слушаю его дыхание и только потом осторожно выхожу.

На кухне всё выглядит так, будто я просто не успела прибраться. Мишина чашка стоит возле хлебницы, на столе крошки, рядом с солью — телефон. Я беру его, открываю переписку

с мужем и вижу, что он уже в сети. Хочется спросить, почему она. Что в ней такого, чего нет во мне. Потом я смотрю на своё сообщение, отправленное днём: «Не забудь форму, она у него в шкафу на нижней полке». Он ответил поднятым большим пальцем. Я выключаю экран и кладу телефон подальше, но почти сразу тянусь за ним снова.

Кристина в родительском чате записана полным именем и фамилией. На фотографии она с дочерью, обе в одинаковых белых футболках. Я открываю снимок и увеличиваю её лицо. В школе она казалась мне симпатичной: светлые брови, широкая улыбка, маленькая родинка над губой. Я даже спросила, где она покупает дочке платья, потому что Ника пришла в таком мягком, удобном, с карманами. Она прислала ссылку. Лёве платья не нужны, но у подруги скоро день рождения дочки; я тогда собиралась выбрать подарок.

Меня прорывает на этой ссылке. Я закрываю рот ладонью и сгибаюсь над столом. Потом наливаю воду и пью маленькими глотками: от больших подступает тошнота. В речевом центре я прошу детей выдохнуть спокойно, попробовать ещё раз. Сейчас сама не могу набрать воздуха без всхлипывания.

Я хочу написать ей. Уже открываю пустую строку, набираю: «Ты знала, что у него семья?» — и вижу, какой глупый вопрос задала. Она знакома со мной, с нашим сыном, держала Мишин телефон, пока мы фотографировались с Лёвой. Стираю слова. В общем чате находится ещё один Орлов: Данила, папа Ники. У него вместо лица фотография девочки в велосипедном шлеме, а последнее сообщение — вопрос про сменную обувь. Три дня назад. Учительница ответила ему, что мешок подписывать необязательно, но желательно.

Я возвращаюсь к его имени несколько раз. Миша сказал, что там всё закончилось. Если это правда, он уже знает и сочтёт меня жалкой женой, которая не может смириться. Если неправда, я сейчас сделаю ещё кому-то так же больно, как мне. Палец висит над экраном. За стеной Лёва кашляет во сне, я прислушиваюсь, но он затихает. Меня вдруг злит, что я снова пытаюсь подобрать слова, которые будут удобнее всем, кроме меня. Пишу коротко, проверяя только имя: «Данила, добрый вечер. Это Полина, мама Льва Тарасова из класса Ники. Мой муж Михаил сегодня сказал, что уходит к вашей жене. По его словам, вы давно расстались. Это правда?»

Сообщение висит непрочитанным. Я убираю со стола жёлтую деталь и кладу возле Лёвиного гаража. Когда возвращаюсь, телефон светится. Сажусь на Мишин стул, подтягиваю к себе экран. Я готовилась к вопросам, к обвинениям, даже к тому, что меня заблокируют, но Данила отвечает так коротко, словно ему сейчас тоже приходится беречь голос: «Нет. Она сказала мне сегодня. Завтра поговорим. Без детей».

Глава 2. Муж другой женщины

Данила сидит у окна, спиной к входу, и я узнаю его по затылку раньше, чем вижу лицо. Перед ним чашка, к которой он не притрагивается; телефон лежит на столе экраном вниз. Я задерживаюсь возле стойки, будто собираюсь сначала выбрать что-нибудь к кофе, хотя с утра смогла съесть только половину Лёвиного тоста. На витрине лежат круассаны, женщина за кассой ждёт моего заказа. Я прошу чай и лишь потом подхожу к человеку, которому вчера написала про измену его жены.

— Доброе утро. Я Полина.

Он встаёт, отодвигая стул слишком резко. Оборачиваются люди за соседним столиком, и Данила придерживает спинку, чтобы она не ударилась об подоконник. Сегодня на нём тёмная куртка, такая же простая, как та, в которой я видела его у школы. На щеке щетина, под глазами краснота. Он смотрит на меня внимательно и сердито; я сразу жалею, что пришла, вместо того чтобы спросить всё в переписке.

— Я понял. Садитесь.

Вешаю сумку на спинку стула, промахиваясь, ставлю её возле ног. Мне неудобно, что он видел оба движения. Теперь стараюсь хотя бы смотреть ему в лицо, а не следить за руками, лежащими рядом с чашкой.

— Вы написали: восемь месяцев, — говорит он.

— Нет. Я написала, что муж уходит. Про восемь месяцев он мне сказал дома.

Данила открывает нашу переписку. Я замечаю обручальное кольцо и прячу левую руку под стол. Моё тоже на месте: утром я попробовала его снять, но палец отёк, и я бросила возиться. У него такое же кольцо, а стыдно почему-то мне.

— Да. Перепутал, — произносит он, прочитав сообщение. — Она сказала примерно столько же. В январе познакомились.

Я киваю. Хочется спросить точный день, найти на календаре начало всей этой истории. Данила убирает телефон и трёт ладонью глаза; видно, что он устал ещё до моего прихода.

— Вы раньше ничего не замечали? — спрашивает он.

— А вы?

Он откидывается на спинку стула. Мне кажется, сейчас скажет, что спрашивал первым. Я уже приготовилась ответить грубо, но он смотрит в окно, где курьер пытается закрепить на багажнике велосипеда огромный жёлтый короб.

— Замечал, что она недовольна. Домом, мной. Что я мало бываю с ней. Мы ругались. Я думал, обычные ссоры.

— У нас даже этого не было. — Поджимаю ногу, чтобы не задеть сумку. — Всё как всегда. Если бы я вчера предложила в выходные куда-нибудь поехать, он, наверное, по привычке сказал бы: давай.

Мне приносят чай. Я благодарю слишком громко, берусь за стакан и сразу отпускаю — горячий. Данила двигает ко мне бумажную салфетку. Его сообщение с адресом кафе пришло, когда я завязывала Лёве шнурки; я ответила «спасибо», словно он записал меня на приём. Сейчас не знаю, как начать разговор, ради которого приехала.

— Миша сказал, что у вас давно всё закончилось, — произношу я. — Что вы общаетесь только из-за Ники.

Данила проводит большим пальцем по краю чашки. На блюде дребезжит ложка, и я опускаю взгляд, потому что смотреть ему в лицо в эту минуту почему-то неловко.

— Вчера узнал. В начале десятого. До этого успел спросить, не заказать ли нам на субботу столик. Хотел выбраться с ней, раз уж редко выбираемся.

— Простите.

— За что?

— Не знаю. За вопрос.

Я размешиваю чай, хотя сахар не положила. Потом Данила спрашивает, давно ли мы с мужем живём отдельно, и я поднимаю голову так резко, что он тоже перестаёт смотреть в окно.

— Со вчерашнего вечера. Почему?

— По её словам, вы уже не вместе. Он просто остался в квартире, потому что сын маленький и вы просили пока ничего не менять.

Я ставлю ложку на блюдец, чай капает на стол. Вытираю его салфеткой и чувствую, что сейчас скажу о его жене такое, после чего он встанет и уйдёт. Миша вчера учил меня не лезть в чужую семью. Кристина тем временем уже придумала, как устроена моя.

— Я ни о чём таком не просила. Мы спали в одной кровати. Ездили вместе отдыхать. Я покупала ему рубашки, напоминала про родительское собрание, вечером спрашивала, что на работе. Он оставался дома как муж, Данила. Если это трудно представить, я могу показать фотографии.

— Я вам верю.

— Вы спрашиваете так, будто мне ещё нужно доказать, что я действительно его жена.

Он сжимает челюсть, отворачивается, потом всё-таки смотрит на меня. Ему приходится сдерживаться, чтобы не повысить голос. До этого я думала, что он начнёт выгораживать Кристину. Почему-то не представляла, что он тоже всю ночь вспоминал обычные дни, пытаюсь понять, где его обманывали.

— Я пытаюсь разобраться, кто что говорил, — отвечает он. — Вчера мне объяснили, что я один ничего не замечаю и мешаю двум людям нормально жить. Сегодня выясняется, что вас тоже забыли предупредить. Я не вас допрашиваю. Хотя получается именно так.

Данила пьёт остывший кофе, морщится и просит принести ещё один. Меня спрашивает, хочу ли поесть, и я слишком быстро качаю головой. Он не настаивает; я расправляю салфетку, чтобы занять руки, и наконец решаюсь спросить про их брак.

— Вы сколько женаты? — спрашиваю я после паузы.

— Девять лет. Вы?

— Десять. В июне было.

Он спрашивает, кто вчера начал говорить про развод. Я отвечаю, что Миша. Данила кивает: Кристина тоже не ждала вопросов. Собрала слова заранее и выложила, пока он разбирал пакет из магазина.

— В какой день он снял квартиру? — спрашивает Данила.

— Не знаю. Сказал, что снимает. Я не спросила. Он ещё хотел несколько дней дома пожить, собраться спокойно.

— Она знала, куда уходит. Адрес у неё был. Вчера собирала вещи, сегодня отвела Нику в школу и уехала. — Он поворачивает к себе новую чашку за ручку. — И просила поговорить с дочерью так, чтобы та не расстроилась. Я до сих пор не понял, как это должно выглядеть.

Данила наклонился над чашкой; ему некуда деть плечи за маленьким столом. Я представляю новую кухню: наши дети сидят рядом, Кристина раскладывает им еду, мой муж спрашивает про школу. Мы с Данилой должны заранее позаботиться, чтобы никто за этим столом не расстроился, и меня начинает злить даже эта воображаемая еда.

— Они договорились, — говорю я. — Рассказать вчера. Вам и мне. Чтобы мы не успели ничего узнать друг от друга.

— Похоже на то.

— И каждый должен был поверить, что у других давно всё закончено.

Я чувствую злость, от которой наконец перестаёт мутить. Наверное, они потом созвонились, обсудили, кто как отреагировал. Она могла сказать, что муж сердится. Миша — что со

мной всё сложно, я цепляюсь к словам. Передо мной Данила берёт чашку обеими руками и смотрит поверх неё; ему тоже есть что вспомнить.

— Можно я задам неприятный вопрос? — Он ставит чашку, не выпив. — Вы про Нику ничего Льву не говорили?

— Про её маму? Нет. Только что папа будет жить отдельно.

— Хорошо.

— Не очень хорошо. Он решил, что папа уходит, потому что гараж не убрал. Из конструктора. — Голос дрожит, и я отворачиваюсь к стойке. — Я объяснила. Не знаю, поверил ли.

Данила медленно выдыхает и ничего не говорит. Я жду, когда смогу снова смотреть на него, и отпиваю чай. Он уже такой тёплый, что можно держать стакан ладонями.

— Ника пока думает, что мама несколько дней будет занята на работе, — говорит он. — Кристина попросила дать ей время. Я согласился утром, чтобы не устраивать разговор перед школой. Но вечером скажу, что мама теперь живёт отдельно.

— Скажите, что не из-за неё. Даже если кажется, что это понятно.

Он кивает, но взгляд становится жёстче. Я опять заговорила как на работе, будто передо мной родитель, пришедший за советом. Мне не хочется учить его быть отцом; просто ещё помню, как сын сидел на ковре и ждал, чтобы ему простили гараж.

— Я не думаю, что вы не догадаетесь, — добавляю я. — У меня вчера тоже не сразу получилось.

— Понял.

Его телефон вибрирует. Данила читает сообщение, набирает ответ одним пальцем. Я замечаю в верхней строке имя «Папа» и отвожу взгляд, но он сам объясняет, что Нику сегодня заберёт дед. Потом убирает телефон в карман, словно боится, что мы так и просидим, каждый со своей перепиской, и опять спрашивает про Михаила.

— Ваш муж не предлагал сразу детей друг с другом свести? Всем вместе пожить?

— На выходные собирается забирать Лёву к ним. Сказал, им будет хорошо, они же друзья.

Данила усмехается без улыбки. Я смотрю на его руки, представляя, что он сделал бы при встрече с Мишей. Мне стыдно за удовольствие от этой мысли, но я почти хочу спросить, собирается ли он встречаться с моим мужем.

— Она спрашивала, нельзя ли Нике иногда оставаться у них, — говорит он. — Я ответил, что сначала сама поговорит с дочерью. И что знакомить её с новым мужчиной завтра не получится.

Я кладу ложку на салфетку. Хочется сделать что-нибудь, после чего Миша не сможет позвонить с привычным: «Ну что, ты успокоилась?» Он, наверное, уже ждёт, что я начну писать ему и просить вернуться.

— Давайте сфотографируемся, — говорю я.

Приходится продолжить самой. Беру телефон, открываю камеру, но пока держу её направленной на стол, где видны только чашки и смятая салфетка.

— Отправим им. Обоим. Чтобы они хоть раз почувствовали, как это — увидеть своего человека рядом с чужим. На фотографии — мы вдвоём. Вы отправите Кристине, я — Мише. Подпишем: «Хорошего дня».

Мне кажется, Данилу тоже соблазнит эта возможность. Миша сначала спросит, зачем мне встречаться с этим мужчиной, потом объяснит, почему это некрасиво. Мне становится легче от одной мысли, что он не сможет оставить снимок без ответа.

— И что дальше? — спрашивает Данила.

— Ничего. Дальше пойдём по своим делам.

— А если она покажет фотографию Нике?

Я не сразу понимаю, зачем Кристине это делать. Потом представляю знакомую широкую улыбку и слова, которые она может подобрать дочери: папа нашёл другую, папе хорошо. На снимке будет мама Лёвы, которую Ника видит возле своего класса. Я выключаю камеру, но телефон из рук не выпускаю.

— Мы просто сидим в кафе, — говорю я слабее.

— Тогда зачем отправлять? Мы ведь хотим, чтобы выглядело иначе.

— Вам совсем не хочется ей сделать больно?

Он проводит ладонью по лицу. Я не знаю, разозлила его или попала туда, куда лучше было не лезть. За соседним столом смеются над чем-то в телефоне, и Данила резко поворачивается на этот звук. Через секунду снова смотрит на меня.

— Хочется. С утра почти ничего другого не хочется. Но я потом приеду за дочерью. И мне придётся смотреть на неё, если её мама воспользуется снимком. — Он отодвигает чашку. — Вы ведь не планировали брать в этом разговоре Нику с собой.

Я кладу телефон в сумку. Хочется оправдаться: я весь вечер думала о ребёнке, даже не рассказала ему про любовницу. Но собиралась отправить снимок именно для того, чтобы им стало плохо, а про чужую дочь успела забыть. Данила смотрит в окно, позволяя мне не встречаться с ним глазами.

— Нет, — говорю я. — Не планировала.

Мне всё-таки становится обидно: я придумала глупость, он отказался, и теперь я чувствую себя женщиной, которую даже для мести не захотели взять. Его молчание я понимаю как осуждение и натягиваю рукав на ладонь.

— Я не за тем вас позвал, — говорит Данила. — Мне хотелось понять, что происходит. Вы единственный человек, которому вчера рассказали другую половину.

Я опускаю глаза на его кольцо и убираю свою руку из-под стола. Ждала, что он скажет, куда идти и что делать, чтобы не так болело. Но Данила не справился даже со своим кофе: бросил его остывать, заказал второй. Я наконец позволяю себе перестать выпрямлять спину и опираюсь локтем о стол.

— Мы не будем друг другу пересылать всё, что они пишут, — произносит он после паузы. — Я не хочу каждое утро читать, как они собираются жить.

— А я не хочу снова узнавать всё последней.

— Если это касается детей — скажем. Кого забирают, куда везут, что пообещали. Если понадобится проверить слова. Остальное я пока не выведу.

Последняя фраза прозвучала тихо. Хочется сразу согласиться, лишь бы не остаться одной со вчерашним разговором. Я сначала думаю, что мне действительно нужно от него, и только потом отвечаю.

— И без фотографий, — добавляю я. — Если они окажутся у вас. Мне не надо.

Данила кивает. Я проверяю время: пора ехать в центр, первый ребёнок записан на половину двенадцатого. Ещё нужно умыться, потому что я кое-как замазала веки и чувствую на лице всю эту косметику. Данила просит счёт, но я успеваю достать карту.

— За чай я сама.

— Хорошо, — отвечает он, отодвигая к себе чек за кофе. Мы подходим к стойке по очереди. На прощание он спрашивает, во сколько сегодня заканчивают дети, и я вспоминаю сообщение его отца.

— В одиннадцать пятнадцать. Я Лёву позже заберу, он пока на продлёнке.

Данила пишет отцу. У двери он придерживает меня за локоть, когда в кафе вбегает мальчишка с самокатом, и сразу отпускает. Мы прощаемся на улице, он идёт к машине. Мне нужно к остановке. Прохожу мимо окна кафе, почти оглядываюсь на наш стол, но достаю телефон: пришло сообщение от Миши.

Он расписал, как проведёт с сыном воскресенье: заберёт в десять, потом они с Кристиной заедут за Никой, поедут в детский центр, пообедают и вернут Лёву вечером. В конце написано: «Скажи ему заранее, чтобы ждал. Так проще будет привыкнуть». Перечитываю строчку про Нику и смотрю вслед Даниле. Он ещё не дошёл до машины, стоит возле перехода и ждёт зелёного. Открываю нашу переписку, прикрепляю снимок Мишиного сообщения. Мне приходится набрать ответ дважды, потому что пальцы попадают не на те буквы: «Вы об этом знали?»

Глава 3. Удобной больше не будет

У остановки приходит ответ Данилы: «Нет. Нику я не отпущу. Её мать об этом знает». На дороге останавливается мой автобус, люди возле меня поднимаются со скамейки, а я остаюсь стоять, прижав телефон к сумке. Миша не спросил ни меня, ни второго отца, зато велел заранее подготовить Лёву, чтобы потом мы не испортили ему воскресенье.

Пишу мужу: «В воскресенье ты встретишься с сыном один. В парк можно. В вашу квартиру он сейчас не поедет». Перечитываю: хочется дописать столько, что он до вечера не выберется из переписки, но я отправляю сообщение как есть. Автобус закрывает двери, и почти сразу звонит Миша.

— Что значит «один»? — спрашивает он вместо приветствия. — Мы вчера договорились.

— Вчера ты пообещал ему, что увидитесь. Про Кристину я просила ничего не говорить.

— Полин, она теперь будет в моей жизни. Нельзя делать вид, что её нет. Лёва её знает, у него с Никой...

— Ника не поедет. Её папа не согласился.

Миша произносит что-то в сторону; я слышу скрип двери, затем голос возвращается ближе.

— Ты с ним связалась?

— Да. Потому что мне прислали план на воскресенье с его дочерью. Он этот план впервые увидел от меня.

— У них сейчас сложный разговор, он, конечно, будет против всего. Кристина сама разберётся. Зачем тебе в это вмешиваться?

Отступаю от края остановки: проезжающий автобус поднимает пыль, приходится отвернуться и прикрыть рот ладонью. Хочется сбросить, написать, что плохо слышно, потом перезвонить самой, уже придумав, как сказать, чтобы он не раздражался.

— Я вмешиваюсь в планы на моего ребёнка, — отвечаю я. — Он вчера спросил, уйду ли я тоже. Сегодня ты хочешь посадить его за стол с другой женщиной и объяснить, что всё замечательно. Мне так не подходит.

— Ну зачем сразу за стол? Детский центр, аттракционы. Мы хотели отвлечь их. Сделать хороший день.

— Сделай. Ты и Лёва. Тебе обязательно нужна для этого Кристина?

Миша выдыхает так, будто я опять забыла купить что-нибудь важное и теперь из-за меня придётся ехать в магазин.

— Ты сейчас злишься на меня, а расплачиваться будет сын.

— Он увидится с тобой. Ты можешь погулять с ним, пообедать, досмотреть ваших роботов. Что именно я у него отняла?

Я жду ответа, хотя хочется помочь ему: сказать, что понимаю, что мне нужно немного времени. К остановке подходит женщина со связкой воздушных шаров. Один цепляется мне за плечо, она извиняется и собирает ленты в кулак. Я отодвигаюсь, всё ещё слушая молчание мужа.

— Ладно, — говорит он наконец. — В этот раз поеду с ним один. Заберу в десять.

— Давай в двенадцать. Вернёшь в пять. Ему вечером нужно собраться в школу.

— Ещё какие-нибудь распоряжения?

Сжимаю ремень сумки, смотрю на ноготь большого пальца: возле него содрана кожа, я успела расковырять её, пока мы разговаривали. Он расписал чужое воскресенье по часам, а распоряжаюсь я.

— Ты хотел договориться. Я говорю, как получится у нас. В двенадцать удобно?

— Удобно. Деньги я перевёл, посмотри. За квартиру плачу я, за Лёвины занятия тоже. Тебе пока не надо ничего менять.

Перевод пришёл, пока мы сидели в кафе; я его не заметила. На мгновение отпускает тошнота: за занятия мне ещё должны перевести деньги, но только через две недели, а я успела представить, как отказываюсь от бассейна, прошу маму одолжить. И сразу же становится неприятно от того, с каким облегчением я смотрю на деньги от мужа.

— Спасибо. На следующий месяц суммы обсудим заранее, — говорю я. — Мне надо понимать, на что рассчитывать.

— Ну вот, уже официальные переговоры. Я же сказал, что вас не брошу.

— Я услышала. Только ты мне много чего говорил.

Он спрашивает, когда забрать вещи. Сегодня вечером ему удобно, он мог бы заодно посидеть с Лёвой. Я представляю, как поставлю на плиту ужин, а Миша после еды возьмёт чистые рубашки и уйдёт туда, где его ждут. Сын снова будет искать его по комнатам.

— Завтра утром. Он у бабушки, ты знаешь. Я к десяти вернусь и буду дома.

— Мне обязательно ждать тебя? Ключ у меня есть.

— Пожалуйста, не приходи без предупреждения. Я тоже здесь живу.

— Я помню. Я вам квартиру оставляю.

— Мы её вместе покупали, Миша. Сейчас здесь остаёмся мы с Лёвой. Что дальше, обсудим, когда сможем нормально разговаривать. Но это не подарок от тебя.

— Я не говорил, что подарок. Не придирайся.

Подходит следующий автобус. Встаю в очередь. Муж ещё что-то объясняет про нормальные отношения, а у меня не остаётся сил отвечать так, чтобы каждое слово было безупречным.

— Завтра в десять за вещами. В воскресенье в двенадцать за Лёвой. Я сейчас еду на работу, — говорю я и заканчиваю звонок. Уже в автобусе приходит сообщение: «Ты ведь не собираешься каждый раз всё согласовывать с Орловым?» Я убираю телефон. Впереди женщина прижимает к себе шары, чтобы не мешать остальным, а мне хочется отгородиться от людей хотя бы одним.

В центре Надя стоит на стремянке и пытается вернуть на карниз штору. Сдвинутая мебель перегородила проход; я ставлю сумку на детский стульчик и молча подаю ей упавший крючок. Она берёт его, смотрит сверху на моё лицо и начинает спускаться, даже не закрепив ткань.

— Держи, — прошу я. — Она сейчас целиком упадёт.

— Что случилось? — Надя закрепляет штору, проверяет, выдержит ли, и спускается ко мне.

— Миша ушёл. Вчера. К Кристине.

Я объясняю: мама Ники, первый класс, восемь месяцев. От того, что десять лет моей жизни сейчас можно пересказать за минуту, опять хочется плакать.

— Я её видела на фотографии с линейки? — спрашивает она, отодвигая стремянку. — Которая рядом с вами стояла?

Приходит мама первого ребёнка, на ходу стягивает с него куртку. Он застревает в рукаве, мне приходится повернуться, помочь вытащить руку. Мальчик сразу рассказывает, что у них поселился кот, который пока сидит под ванной. Надя смотрит на часы.

— Полин, я могу сама провести занятие.

— Ты в двенадцать ждёшь другого. Всё нормально, я пойду умоюсь.

В туалете слишком долго держу ладони под водой, стираю с век остатки туши. Из коридора слышно, как мальчик просит открыть шкаф с играми; приходится выключить воду и выйти.

На занятии он всё время возвращается к коту. Нам приходится выбрать для него имя, прежде чем достать картинки; мальчик отвергает три моих предложения и объявляет, что будет

Паша. Я переспрашиваю, точно ли Паша, он хохочет, и я смеюсь вместе с ним. А через минуту, когда он отворачивается за карандашом, снова щиплет глаза. Переворачиваю карточку, жду, пока он сядет, и продолжаю.

В перерыве Надя приносит две тарелки с запеканкой. Мы едим за столом, где мальчик раскладывал животных; я отодвигаю коробку, чтобы не насыпать внутрь крошек.

— Он вернуться хочет? — спрашивает Надя.

— Нет. Он хочет, чтобы я помогла ему хорошо уйти. Объяснила ребёнку, привыкла, никого не поставила в неудобное положение.

Надя знает Мишу много лет. Рассказывая ей про воскресенье и квартиру, я жду, что она тоже удивится: как он мог? А потом вдруг спрашиваю то, о чём не могу перестать думать со вчерашнего вечера.

— Я была противной женой? — спрашиваю я. — Скажи честно.

— Полина, ты сейчас серьёзно?

— Ну, со стороны же видно. Я много говорила про Лёву, про занятия. Он приходил, а у меня то уроки, то стирка. Может, я правда...

— Я бывала у вас в гостях, а не жила с вами. Откуда мне знать, какая ты жена? — Надя подвигает ко мне тарелку, которую я отставила. — Я знаю, что ты выбирала ему подарок полдня, хотя он тебе сказал: ничего не надо. И ещё я сейчас очень хочу позвонить ему. Но не буду, не смотри на меня так.

Я съедаю несколько кусочков, перестаёт тошнить. Надя спрашивает про часы, которые предлагала ещё на прошлой неделе. Во вторник и четверг можно поставить по два ребёнка, начиная с половины четвёртого. Я оставляла эти окна свободными: забирала Лёву, ехала домой, готовила. Миша говорил, что ему хочется иногда ужинать до девяти.

— Они ещё не нашли другого логопеда? — спрашиваю я.

— Одна мама думает. Вторая ждёт, когда будет место. Я могу обоим позвонить. Только если тебе сейчас тяжело, не надо хватать всё подряд.

После этих занятий успею за сыном, центр от школы недалеко. Дома можно разогреть вчерашнее. Лёва съест макароны хоть три дня подряд и попросит ещё; я сама не помню, когда в последний раз думала, чего хочу на ужин.

— Позвони. Я возьму обоих. Со следующей недели.

— Хорошо. Но сначала доешь, — отвечает Надя. — И на субботу я тебя никуда не запишу. Ты и так всегда соглашаешься, а потом ходишь сердитая и делаешь вид, что нет.

Невольно улыбаюсь, беру последний кусок. Надя так и сидит со мной, пока я не доедаю, хотя из её кабинета уже звонил телефон.

Крестину я вижу возле класса, когда прихожу за Лёвой. Она держит под мышкой синюю папку для рисования, другой рукой листает телефон; у стены стоит раскрытый пакет, и ручка зацепилась за каблук. Кристина освобождает её, поднимает голову, замечает меня. Я могла бы остановиться у лестницы, дожидаться сына там. Вместо этого прохожу в коридор и начинаю растёгивать куртку, потому что здесь жарко.

— Полина, привет, — говорит она. — Я за Никиной папкой. Дедушка утром забрал её без папки, а завтра у них рисование.

— Здравствуй.

Ирина Вадимовна написала, что Лёва пошёл за сменкой, сейчас выйдет. У соседнего кабинета спорят двое мальчиков; их окликают, они умолкают, и становится слышно, как Кристина убирает телефон в сумку.

— Миша сказал, ты не согласна насчёт воскресенья.

— Он договорился погулять со Львом один.

— Да, я знаю. Просто мы думали, что им будет легче вдвоём. Дети же чувствуют, когда мы ссоримся.

Кристина стоит близко, чуть наклонив голову, как тогда, на линейке, когда предлагала держать букеты повыше. Губы у неё сухие; она проводит по ним языком, и я замечаю, что ей тоже беспокойно.

— Мы с тобой не ссорились, — говорю я. — Я сегодня вообще не собиралась с тобой разговаривать.

— Я понимаю. Мне тоже неловко. Но нам ещё много лет встречаться здесь. Не хочется каждый раз...

Застёгиваю сумку, потому что из неё торчит шарф и я смотрю только на него. Если подниму глаза, могу начать кричать.

— Что ты сказала Нике про воскресенье?

— Что съездим куда-нибудь вместе. Ничего особенного. Полин, мы ведь не чужие для них люди.

— Её папа согласился?

Кристина поправляет папку под мышкой. Нижний угол упирается ей в руку, но она не перекладывает её.

— Даниле пока трудно принять. Он привык, что всё решает сам. Если каждый раз ждать, пока он разрешит...

— Зачем ты обещала дочери то, о чём с ним не договорилась?

— Это моя дочь тоже.

— Поэтому я и спрашиваю, зачем ты ей обещала.

Из класса выходит Ирина Вадимовна с пачкой тетрадей, перекладывает их на подоконник, чтобы закрыть дверь. Мы обе отодвигаемся. Кристина сразу выпрямляется, улыбается учительнице и благодарит за папку. Я смотрю на свои руки: всё время тру большой палец, и содранное утром место уже болит.

— Лев в раздевалке, — говорит Ирина Вадимовна. — Полина, он вас ждёт. Я ему сказала, что вы поднялись.

Я киваю и делаю шаг к лестнице, но Кристина придерживает меня за рукав. Легко, двумя пальцами. Я высвобождаю руку раньше, чем она успевает что-нибудь сказать, и теперь учительница смотрит на нас обеих.

— Нам надо спокойно это пройти, — произносит Кристина уже тише. — У нас с Данилой давно всё было плохо. У вас тоже, просто вы по-другому жили. Миша говорил, что вы оба понимали.

— Я узнала вчера вечером. Ничего я не понимала.

Мне страшно услышать собственный голос в этом коридоре. За спиной учительница подбирает тетради, одна выскальзывает и падает на пол; никто из нас сразу не наклоняется. Кристина моргает, затем поднимает её и кладёт сверху на пачку.

— Наверное, ты надеялась, что наладится. Я не спорю. Но Миша сейчас живёт со мной, и это уже случилось. Давай хотя бы не будем говорить детям лишнее.

— Не рассказывай, что я давно обо всём знала и была согласна. Даже если так удобнее объяснять.

Ирина Вадимовна поправляет тетради на сгибе локтя. Я понимаю, как ей хочется уйти; мне самой хочется. Только Кристина всё ещё ждёт, что я пообещаю что-то подходящее.

— Я не буду устраивать разборки перед детьми, — добавляю я. — Но на воскресенье Лёве ничего не обещай. Мы с его папой уже договорились.

На лестнице держусь за перила. У раздевалки Лёва сидит с расстёгнутым рюкзаком, взяв мешок со сменкой на колени. Обнимаю его за плечи, он подаётся ко мне всем телом, но голову отводит. Обычно после школы ему некогда: нужно первым выбежать во двор.

— Долго ждал? — спрашиваю я.

— Нет. Я к тебе пошёл, а ты с Никиной мамой.

Начинаю поправлять ему воротник, хотя он лежит ровно, и останавливаю руку. Сын мог подойти, пока я разговаривала, и я бы не заметила.

— Что ты слышал?

— Что папа у неё живёт. У Никиной мамы.

Он смотрит на меня, ожидая, что я поправлю: не так услышал, не о нашем папе говорили. Вчера я ушла от его вопроса, будет ли Миша жить один. Сейчас опять хочется отложить ответ, дойти хотя бы до дома, но я притягиваю сына ближе и отвечаю.

— Да. Папа сейчас живёт с Кристиной.

— А с нами не будет?

— С нами сейчас нет. В воскресенье приедет за тобой. Вы вдвоём погуляете.

Лёва дёргает молнию рюкзака, она заедает на ткани. Он тянет сильнее, я помогаю освободить край. Внутри лежит недоеденный бутерброд, завернутый в салфетку; я утром торопилась и не положила его в контейнер. Сын прячет свёрток под тетрадь, будто я могу рассердиться, что он не доел.

— Ника сегодня со мной не разговаривала, — говорит он. — Я ей ластик дал, а она вернула. И на перемене ушла.

Я закрываю рюкзак, ставлю между своими ногами. Лёва ковыряет наклейку на мешке, не поднимая глаз. Мне хочется сразу сказать, что она не со зла, но сын ещё не договорил.

— Её мама утром сказала, что мы в воскресенье с моим папой поедem. Вчетвером. Ника сказала, что не хочет. Я спросил, почему. Она сказала: из-за твоего папы. Я же его не звал, мам.

— Конечно, не звал. Ты ничего не сделал.

— Я ей тоже так сказал. Она всё равно ушла.

Сажусь ближе, чтобы его колено прижалось к моему. По коридору проходят ребята постарше; мы молчим, пока они не скрываются за дверью. Надо написать Даниле, что его дочь уже что-то знает. Достану телефон, когда мы с сыном поговорим.

— Ника, наверное, расстроилась. Она может на тебя сердиться, хотя ты ни при чём. Если захочешь, подойдёшь к ней в понедельник. Только не надо за ней бегать, если она пока не хочет.

Он кивает, но я вижу, что ответа не хватило. Мы надеваем куртки; Лёва даёт мне подержать рукав, что в последнее время делает всё реже. На выходе он прижимается к моему боку, и я беру его за руку, мешок со сменкой перекидываю в другую. Уже у тяжёлой школьной двери он останавливается, вынуждая меня тоже встать. Люди обходят нас, кто-то придерживает створку, а сын смотрит снизу вверх и спрашивает тихо, чтобы больше никто не услышал: «Если папа теперь с её мамой, мы с Никой тоже должны перестать дружить?»

Глава 4. Там, где я должен быть

Данила

В прихожей Ника встряхивает на пол мешок со спортивной формой. Кроссовки падают под скамейку, белая футболка повисает на отцовском ботинке; дочь сердито стаскивает её и швыряет обратно в мешок. Я ещё не снял куртку, а она уже объясняет, что футболка неправильная. На ней рисунок, а нужна без рисунка. Отец смотрит на меня из кухни, вытирает руки полотенцем. Я оставляю ключи возле зеркала и присаживаюсь рядом с Никой, стараясь не наступить на её вещи.

— У тебя другая есть? — спрашиваю я.

— Есть. Мама стирала.

— Найдём. Когда физкультура?

Ника перестаёт складывать футболку и смотрит на меня, будто собирается проверить, шучу я или нет.

— В понедельник. И в среду. Пап, я тебе говорила.

Наверное, говорила, пока я отвечал на сообщение. Я поднимаю кроссовок, ставлю рядом с другим и забираю мешок, но дочь тянет его к себе.

— Не надо. Я сама положу, когда высохнет. Она мокрая ещё.

— Тогда оставь пока здесь. — Встаю, наконец снимаю куртку. Ника хватает вещи с пола, уносит к лестнице; шаги наверху звучат громко, будто она нарочно наступает на каждую ступеньку посередине.

На столе нарезанные помидоры, возле плиты кастрюля; отец приготовил то, что нашёл. Обычно я не замечаю, когда он здесь хозяйничает. Сегодня неловко, и я мою руки дольше, чем нужно, прежде чем сесть.

— Ела она? — спрашиваю.

— Суп поела. Помидоры не захотела. Сказала, ты придёшь, тогда ужинать будем.

— Спасибо, что забрал.

— Не благодари пока. Синюю папку мы оставили. Кристина написала, что уже взяла её из школы.

От жены сообщения про папку и про то, что завтра за дочерью она приедет к девяти. Утром я согласился: пусть проведут время вдвоём. Воскресенье с Тарасовым я отменил, но лишать Нику субботы с матерью не собирался. Теперь Кристина спрашивает, нужно ли купить что-нибудь домой. Смотрю на эти слова, пока экран не гаснет. Она живёт с другим мужчиной, а у меня уточняет про хлеб.

— Завтра она отвезёт Нику на рисование, — говорю отцу. — Папка у неё, пусть сама и собирает.

Отец кладёт полотенце на стол, ничего не отвечает. Я слышу, как получилось: пусть собирает, пусть хотя бы ещё за что-нибудь отвечает. Дочери завтра нужно всего лишь приехать на занятие с красками.

— В девять приедет, — добавляю я. — Папку не надо искать.

Отец достаёт тарелку. Я смотрю на его руки: короткие пальцы, старая царапина на ногте. Он ещё недавно мог полдня разбирать дверной доводчик и доказывать, что новую партию зря заказали. Сейчас стоит у моей плиты, потому что утром я попросил забрать ребёнка. Не объяснял толком, только сказал, что Кристина ушла.

— Она тебе что-нибудь рассказывала? — спрашиваю.

— Про школу. Про котёнка, которого увидела возле ограды. Потом спросила, почему мама не заберёт. Я сказал, что вы договорились со мной.

— Надо было сказать, что мама теперь не здесь живёт.

— Данил, я это от тебя по телефону услышал. Как я должен был объяснить ей остальное? Отодвигаю тарелку. Отец ставит обратно передо мной. Злиться на него неудобно: у него на рубашке след от Никиного фломастера, зелёная черта возле пуговицы.

— Я сам скажу. Сегодня.

— Скажи. Я чайник поставлю.

Открываю рабочую переписку. Начальник производства ждёт, во сколько завтра начинать встречу с монтажниками. Мы договорились на субботу, чтобы не мешать цеху. Могу успеть, пока Ника на рисовании, только Кристине придётся забирать её и ждать, пока я освобожусь. Пишу, чтобы без меня проверили размеры и прислали фотографии, обсуждение перенесём на понедельник.

Отец замечает, что я убрал телефон, и пододвигает хлеб. Сверху спускается Ника, несёт футболку на вешалке, придерживая за подол, чтобы не касалась ступенек. Я забираю её, вешаю сушиться возле открытого окна. Дочь объясняет, что мешок тоже надо вывернуть, мама всегда так делает. Я выворачиваю; внутри оказывается носок, который мы не нашли, когда собирали вещи.

— Вот, — говорит Ника. — Я же знала, что он где-то есть.

Она берёт его, кладёт возле кроссовок, затем садится за стол. Я наливаю ей воды. Дочь делает несколько глотков, ставит стакан на край салфетки и спрашивает, когда придёт мама. Отец начинает резать хлеб мельче, хотя его никто не просил.

— Сегодня не придёт. Завтра утром заедет за тобой, вы поедете рисовать.

— А вечером она домой?

— После рисования ты вернёшься ко мне.

— Я про маму.

У меня вибрирует телефон. Хочется схватить его, ухватиться хотя бы за минуту, когда я буду отвечать кому-то другому. Я переворачиваю экран вниз и придвигаю стул ближе к дочери.

— Ник, мама теперь живёт в другой квартире. Мы с ней расстались.

Она опускает вилку в тарелку, но не ест. Несколько секунд смотрит на помидоры. Потом тянет ко мне пустую руку, я беру её; ладонь липкая, наверное, она хватала сыр прямо с доски, пока дед отвернулся.

— А почему ты её отпустил?

Отец кладёт нож возле хлебницы. Мне хочется сказать, что никого я не отпускал, она сама собралась и уехала. Я открываю рот, но дочь продолжает:

— Она сказала, что ты занят. Если ты дома, можно ей позвонить?

— Можно. Сейчас поужинаем и позвоним.

Ника забирает руку, отламывает хлеб маленькими кусками. Я должен сказать ещё что-то, но не знаю, как начать, не затронув вчерашний вечер целиком. Спрашиваю, что завтра будут рисовать. Дочь пожимает плечами и просит соль.

Дочь уносит стакан к мойке и идёт за телефоном, чтобы показать маме рисунок. Отец собирает тарелки, чашки оставляет мне. Загружаю их в посудомойку и читаю сообщение, которое пришло за ужином.

Полина пишет, что Ника сегодня не разговаривала со Львом. Что-то сказала про его папу, после этого он весь день переживал. Набираю её номер, выхожу на веранду. Отец поднимает голову, показываю ему телефон. Наверху дочь ищет рисунок, и на несколько минут ещё можно отложить разговор, которого она ждёт.

— Что вы ей сказали? — спрашиваю, когда Полина отвечает.

— Кому?

— Нике. Откуда она вообще это взяла?

— Я Нику сегодня не видела. Вам написала то, что рассказал Лёва. Она с утра с ним не разговаривала.

Из перил торчит шуруп, который собирался утопить ещё летом; упирается в ладонь, приходится переставить руку. Сосед заводит газонокосилку, и я отхожу от ограды.

— Значит, она уже знает. А я до вечера ждал, как договорились с Кристиной.

— Не знаю, что именно она знает. Кристина утром обещала им вместе съездить куда-нибудь. Ника не захотела из-за Лёвиного папы. Лёва весь день думал, что он виноват.

— Что вы ему объяснили?

— Что дружить с Никой можно, даже если взрослые теперь живут по-другому.

— Только про её мать ему ничего не рассказывайте. Я сам должен сначала...

— Данила, он уже услышал. Кристина в школе сказала, что Миша живёт с ней. Я не заметила, что Лёва подошёл. Когда спросил, я ответила.

Снимаю очки с воротника рубашки, раскрываю, тут же складываю обратно. Кристина поговорила в школьном коридоре, теперь нам объяснять всё детям.

— Я не собираюсь обсуждать вашу жену с сыном, — добавляет Полина. — Но и говорить, что он неправильно услышал, не стану. У него папа вчера ушёл. Ему страшно, не до ваших договорённостей.

— Я не хотел, чтобы ему ввали.

— А что вы хотели? — спрашивает она. Я слышу, как рядом кто-то зовёт её; Полина отвечает: «Сейчас, зайчик», и голос становится совсем другим. — Мне тоже не нравится, что он узнал так. Я вам поэтому и написала. Дальше вы сами.

Она собирается закончить звонок. Я представляю, как вернусь к Нике рассказывать, почему мы расстались. Одно неправильное слово — и дочери придётся слушать, что за человек её мать.

— Подождите. Я ещё не поговорил с ней толком. За ужином начал, она спросила, почему я маму отпустил.

Газонокосилка затихает. Через стекло двери видно, как отец включает над плитой свет, хотя до темноты ещё далеко.

— Я не знаю, что отвечать, — говорю я. — Могу рассказать всё. Только ей семь.

— Лёве тоже семь. Я вчера хотела сказать, что папа просто уехал. С командировкой было бы проще, он привык. Только папа обещал приехать в воскресенье, и сын ждал бы, что после прогулки он останется дома.

— Вы думаете, я не сказал ей, куда уехала мама?

— Думаю, у вас не получилось ответить. Вы сами только что сказали.

Она права, но от того, что это произносит женщина, с которой познакомился сегодня утром, хочется закончить разговор. Всё-таки продолжаю слушать.

— Я не скажу ей про восемь месяцев, — произношу я. — Ни про что такое. Но она спросит, мама вернётся или нет.

— Спросит. А вы что ответите?

— Что мы больше не будем жить вместе, — отвечаю я. Смотрю на дверь, жду, не откроет ли её дочь. Я уже знаю, что нужно сказать, только почему-то легче произнести это Полине.

— Тогда скажите это. Ника может всё равно надеяться. Я Лёве вчера объясняла, а сегодня он опять спросил, останется ли папа с нами. Они же не обязаны сразу всё понять.

В доме наверху открывается дверь, Ника зовёт меня. Я отвечаю ей, что сейчас приду, и Полина уже прощается. Успеваю поблагодарить за сообщение. Она говорит: «Хорошо», без мягкости, которую я почему-то ждал, и заканчивает звонок.

Я ещё держу телефон возле уха. Вспоминаю её в кафе: когда она нагнулась за сумкой, волосы упали вперёд, и мне было видно шею над воротом. Я тогда задержал взгляд, хотя она торопилась уйти и едва на меня смотрела. Сейчас снова хочется её увидеть. От этой мысли я сержусь на себя: утром выслушал чужую жену, вечером вспоминаю, как она наклонилась.

Убираю телефон в карман, толкаю дверь. Ника зовёт ещё раз, уже сердито, потому что я обещал прийти.

Отец стоит в прихожей в куртке. Я хотел попросить задержаться, но он уже держит ключи от машины. Провожая к калитке. Он кладёт руку мне на плечо, чуть сжимает. Мы смотрим на ступени, потом он садится за руль, а я возвращаюсь в дом.

Ника сидит на полу возле кровати. На коленях телефон, рядом рисунок: тёмно-синий дом и собака величиной почти со двор. Мы давно спорим, можно ли завести собаку. Я говорил, что когда она подрастёт; Кристина просила не обещать, потому что гулять всё равно придётся нам.

— Мама не берёт? — спрашиваю, садясь рядом.

— Я ещё не звонила. Ты сказал, что вместе.

— Давай позвоним. Только сначала я тебе кое-что скажу.

Ника расправляет рисунок на полу, откладывает телефон. Я начинаю с того, что уже сказал за ужином, только сейчас договариваю.

— Мы с мамой больше не будем жить вместе. Я остаюсь здесь с тобой. Она будет за тобой приезжать, вы будете видеться. Завтра поедете рисовать, как договорились.

— А ты не можешь помириться?

— Сейчас нет.

— Мама сказала, ты всё время работаешь. Завтра же суббота. Ты можешь не работать.

Ника ждёт, словно нашла решение, которое мы почему-то не заметили. Я действительно мог бы завтра снова уехать на завод и вернуться к обеду, когда меня уже перестали ждать.

— Завтра я останусь с тобой после рисования. Но мама не уехала из-за субботы. Мы поссорились, и теперь она будет жить отдельно.

— С Лёвиным папой.

— Да.

Дочь смотрит на меня. Я не спрашиваю, кто рассказал, и она вдруг сама начинает объяснять: мама сегодня сказала, что они вчетвером куда-нибудь поедут, и Ника сначала решила, что я тоже. А потом выяснилось, что поедет другой папа. Мне хочется позвонить Кристине и заставить выслушать всё это теми же словами. Я придвигаю к себе край рисунка, чтобы рассмотреть собаку, и жду, пока дочь закончит.

— Я с ним не хочу. Мне мой папа нужен.

— Я здесь. В воскресенье никуда с ними ехать не надо.

— А мама тогда к нам приедет?

— Мы ещё договоримся, когда вы встретитесь после субботы. Ты можешь ей звонить. Только домой она сейчас не вернётся.

Ника опускает голову, прячет лицо за рисунком. Бумага слишком маленькая, сверху видно глаза, но она старается не смотреть на меня. Я подаю ей телефон, собираюсь убрать лист, и дочь отдёргивает его. Тогда сажусь ближе, касаюсь её плеча. Она держится несколько секунд, потом начинает плакать так тихо, что я не сразу замечаю.

— Ник, это не из-за тебя. Ничего ты не сделала.

— А ты?

Я стискиваю зубы. Она ждёт, что я назову проступок: обидел маму, не купил что-то, могу извиниться, и тогда всё закончится. Ника прижимает рисунок к груди, мнёт его, не замечая. Я осторожно вытаскиваю лист, кладу на кровать, чтобы освободить ей руки.

— Я тоже злился на маму. Мы ругались. Только тебе не надо разбираться, кто что сказал. Мы сами решим.

— Ты её любишь?

Этот вопрос бьёт неожиданно сильно. Вчера я ещё собирался пригласить Кристину в ресторан, утром смотрел на её сообщения и хотел, чтобы она хотя бы позвонила сама. Готов

был выслушать объяснения, затем придумать, что в них не так, спросить заново. Сейчас дочь смотрит мне в лицо, и я не могу сказать ни «да», ни «нет».

— Мне без неё плохо, — отвечаю. — И я на неё злюсь. Но я могу с ней разговаривать. Мы будем договариваться про тебя, обещаю.

Ника вытирает щёку рукавом и прижимается ко мне. Обнимаю, глажу по спине, пока дыхание не становится ровнее. Мне самому нужно, чтобы она сидела вот так, под моей рукой, и никуда не собиралась. Когда дочь отодвигается, я подаю ей салфетку и спрашиваю, будем ли звонить. Она кивает, разблокирует телефон, поправляет измятый рисунок на коленях.

Кристина отвечает почти сразу. Ника поворачивает экран, чтобы мама увидела дом и собаку; я сижу рядом, попадаю в камеру плечом. Жена просит поднести рисунок ближе, дочь послушно вытягивает руку. Они обсуждают пятно, которое пришлось превратить в куст, и Кристина смеётся. Я узнаю этот смех, чувствую, как напрягается спина, и поднимаюсь с пола. Ника хватается меня за штанину.

— Ты куда?

— Я здесь буду. На кровати посижу.

Она отпускает. Я сажусь, жду, пока они договорятся на утро. Когда Кристина просит дать ей папу, Ника протягивает телефон, следит за моим лицом. Беру его так, чтобы обе видели меня.

— В девять? — спрашиваю.

— Да. Верну после занятия. Ты будешь дома?

— Буду. Позвони, когда поедете обратно.

Кристина кивает. Больше ни о чём при дочери не спрашиваю, возвращаю ей телефон. Они прощаются долго, Ника дважды показывает собаку, потому что забыла рассказать про хвост. Я смотрю на её затылок, на растрепавшуюся резинку, и жду, пока она сама закончит звонок.

После разговора дочь ставит рисунок на комод, придавливая угол стаканом с карандашами. Я помогаю найти чистую пижаму, затем жду возле ванной. Ужин ещё стоит в кастрюле, внизу сушится футболка; если я сейчас спущусь, можно успеть протереть стол, только Ника позовёт, как звала, пока я разговаривал с Полиной. Остаюсь у двери. Когда дочь выходит, она протягивает мне расчёску, и приходится спросить, где начинать, чтобы не дёргать. Ника терпеливо показывает снизу, я придерживаю прядь, распутываю концы. Она жалуется на узелок, но голову не убирает.

В постели дочь отодвигается к стене, оставляет мне место с краю. Я сажусь, укрываю ей ноги; на полке над кроватью стоит коробка с машинками. Ника прослеживает мой взгляд и объясняет, что две машинки обещала показать Лёве. Я не успеваю спросить, хочет ли она с ним помириться: дочь поворачивается ко мне, дёргает за рукав, словно боится, что я уже собираюсь встать. «А Лёву можно к нам позвать? — спрашивает тихо. — Только без его папы. Я хочу, чтобы Лёва пришёл».

Глава 5. На одной стороне двери

Полина

Миша не может вытащить сумку из прихожей: длинная коробка с зимними ботинками упирается в косяк. Я машинально подхватываю её с другого конца, помогаю повернуть и только потом выпускаю. Он приехал в десять, как договорились, сам складывал вещи, несколько раз спрашивал, где что лежит. На третий вопрос я предложила открыть шкаф. Миша посмотрел на меня, но открыл.

— Остальное потом заберу, — говорит он, ставя коробку на сумку. — Если Лёва спросит, скажи, что я завтра приеду.

— Он знает. В двенадцать.

— Я помню, Полин. Не обязательно каждый раз повторять.

Он задерживается на пороге. Мне опять хочется спросить, зачем он всё это делает, но Миша поднимает вещи, уходит к лифту, и я закрываю дверь до того, как он обернётся.

Телефон лежит на полке, рядом с оставленным им ключом от почтового ящика. Сообщение Данилы пришло, пока я мыла чашку: «Ника попросила позвать Льва. Если он захочет, приезжайте сегодня после трёх». Я собиралась отказать, когда увидела слово «приезжайте». Потом подумала, что Лёва весь вечер вчера спрашивал про Нику, и ответила, что сначала поговорю с ним.

У бабушки сын сидит на ковре, выстраивает башню из деревянных брусков. Телевизор работает негромко; рядом лежит пакет с пирогом, который мама приготовила нам с собой. Она смотрит на меня поверх очков, я качаю головой, пока Лёва не видит. Про Мишу мы ещё поговорим, сейчас мне нужно решить другое.

— Ника зовёт тебя в гости, — говорю я, садясь рядом. — Хочешь съездить?

Он кладёт брусок на пол, придерживает башню обеими руками.

— Она сама сказала?

— Да. Папу попросила пригласить.

— А ругаться она не будет?

Я собираюсь пообещать, что не будет, и успеваю остановиться.

— Не знаю, зайчик. Может, вы поговорите. Если не захочешь оставаться, скажешь мне, и мы уедем.

Лёва вынимает из башни брусок, переставляет повыше. Ещё раз спрашивает, точно ли Ника сама его зовёт, и соглашается. Дома забираем детали для гаража: сын обещал показать девочке, как поднимаются ворота. Я пишу Даниле, что приедем, и убираю телефон, не дожидаясь ответа.

Такси останавливается возле калитки, и Лёва первым замечает Нику. Она стоит за оградой, держит две машинки в одной руке, другой цепляется за прутья. Я расплачиваюсь, достаю с заднего сиденья пакет с пирогом. Сын уже бежит к ней, но перед самой калиткой замедляет шаг. Ника не улыбается, только поднимает машинки, чтобы он видел.

— Я принёс, — говорит Лёва, показывая коробку с деталями.

Она кивает. Данила выходит из дома, открывает калитку. Сегодня он без куртки, в тёмной футболке; на предплечье светлая полоса, как будто недавно что-то поцарапал. Я смотрю на неё дольше, чем нужно, затем протягиваю пакет.

— Это к чаю. Мама дала. Она не знала, что мы в гости.

Последнее пояснение лишнее. Данила принимает пирог, не переспрашивает, смотрит на Лёву и предлагает помочь с коробкой. Сын прижимает её к животу: сам донесёт. Ника разворачивается к дому, идёт быстро, не проверяя, пошёл ли он за ней. Я хочу позвать Лёву поближе, но он уже догоняет её на ступеньках.

В прихожей Ника ставит машинки на скамейку, освобождая место для наших курток. На полке над ней фотография: Ника между родителями, у Кристины волосы убраны за уши, Данила обнимает обеих за плечи. Я опускаю глаза к своим ботинкам, с трудом удерживаюсь от глупого «мы ненадолго».

— Куртки сюда, — говорит Данила. — Ника, покажи Льву, где можно собрать. С пола потом никто детали не поднимает, там не надо.

Он несёт наш пакет на кухню. Лёва смотрит на меня: в квартире мы всё строили на ковре. Я помогаю ему расстегнуть заевшую молнию и спрашиваю, где здесь стол. Данила возвращается, сдвигает вазу к краю журнального столика.

— Тут поместится?

— Тут поместится, — отвечаю я. Ника кладёт на стол машинки, садится на ковёр. Лёва опускается напротив, выкладывает детали на крышку коробки, просит достать маленький паке-тик из кармана куртки.

Данила предлагает чай. Иду за ним, но у двери слышу, как Ника спрашивает, папа ли помогал Лёве делать ворота. Сын отвечает, что папа поставил держатель, а остальное он сам. Голос у него гордый. Ника двигает красную машинку, пока та не упирается в коробку.

— Тогда пусть он к нам больше не приходит.

— Он не приходил, — говорит Лёва. — Мы с мамой приехали.

— Он мою маму забрал. Пусть отдаст.

Я разворачиваюсь; Данила появляется в дверях. Лёва держит в руке деталь, смотрит на Нику и молчит. Она сдвигает его коробку к краю, чтобы достать машинку; я подхватываю коробку, прежде чем крышка съезжает на пол.

— Мама сама уехала, — говорит сын. — Мы её не звали.

— Моя мама не сама! Она ко мне всегда приезжает!

Ника тянет машинку так резко, что цепляет недостроенные ворота. Лёва перехватывает её руку. Я присаживаюсь между ними, отпускаю коробку, ладонью отодвигаю сына чуть в сторону. Данила берёт дочь за запястье, освобождает её руку.

— Всё, хватит. Ника, сядь. Лев, ты тоже. Сейчас друг перед другом извинитесь.

Лёва поднимается на колени, краснеет. Я знаю это выражение: ещё немного, и он разревётся от обиды, хотя сам успел схватить чужую руку. Ника пятится к дивану, прячет машинки за спину.

— Я домой хочу, — говорит сын.

— Подожди, — прошу я, притягивая его к себе. — Ты её схватил, так нельзя. Но тебя не будут заставлять отвечать за папу.

Данила поворачивается ко мне. Дочь смотрит ему в лицо, а Лёва уже цепляется за мой рукав.

— Я не заставляю его отвечать за папу. Я прошу обоих прекратить.

— Прекратили. Теперь дайте ему успокоиться.

— Вы же видите, они друг на друга...

— Вижу. Лёва, руку убери, ты растянешь мне рукав. — Беру его ладонь, держу в своей. — Ты не мог решить, куда твой папа поедет. И Ника не могла решить за маму. Вы можете не хотеть сегодня играть. Мы приехали, чтобы вы попробовали поговорить, но это не значит, что обязательно...

— Полина, — перебивает Данила. — Он уже понял.

Сын смотрит на меня, не кивает. Я замечаю, что продолжала говорить для Данилы, а не для него, и замолкаю. Ника залезает на диван с ногами, прижимает машинки к груди. Её отец присаживается перед ней, спрашивает, больно ли руке. Она качает головой, но всё равно показывает запястье. Лёва тоже смотрит; высвобождает ладонь, встаёт рядом.

— Я не хотел больно, — говорит он.

Ника не отвечает. Я собираю детали в коробку. Сын несколько раз проверял по дороге, не забыл ли нужное; от этого сейчас хочется расплакаться. И ещё злюсь на Данилу — по чужому ребёнку он уже всё понял.

— Не складывай, — просит Лёва. — Там ещё колесо.

— Сейчас найдём.

Красное колесо закатилось под диван. Я наклоняюсь, вижу его возле ножки, но не достаю. Данила отодвигает край дивана, придерживает, пока я протягиваю руку. Оказывается совсем близко; я чувствую на щеке тепло его предплечья и стараюсь поскорее отойти, прежде чем он отпустит диван. Возвращаю колесо сыну.

Ника спускает ноги на ковёр. Смотрит, как Лёва складывает ворота, затем показывает на крепление. Оно стоит наоборот. Сын хмурится, разворачивает, пробует поднять перекладину. Теперь получается. Девочка придвигается к столу, ставит одну из машинок внутрь гаража, но на Лёву пока не смотрит. Я сажусь на край дивана, жду. Данила остаётся рядом, положив руки на спинку кресла, и тоже не торопит.

— Лёв, мы можем поехать, — говорю я, когда он снова берёт деталь. — Как договаривались.

— Подожди. Я ей ещё крышу не показал.

Киваю, убираю со стола пустой пакетик. Ника подаёт сыну вторую машинку, показывает, с какой стороны можно поставить её в гараж. Он отвечает не сразу, возится с перекладиной. Мы с Данилой смотрим ещё несколько минут, пока дети не начинают спорить уже про высоту ворот: красная машина задевает верхом. Когда хозяин тихо зовёт меня на кухню, я оставляю коробку на месте.

Пирог лежит на доске, возле него нож. Данила спрашивает, какой чай я пью. Чёрный, если есть. Он ставит две чашки, я прислоняюсь к краю стола, стараясь не заглядывать в гостиную каждые несколько секунд.

— Вы долго объясняете, — произносит Данила, открывая коробку с чаем.

— Знаю. Профессия такая.

— Я не про профессию. Ника ждала, когда вы перестанете, чтобы вернуться к машинкам.

Я складываю руки на груди. Дети уже играют, а он всё ещё хочет что-нибудь во мне исправить.

— Когда вы велели им извиниться, Лёва хотел уйти. Он решил, что вы его тоже будете ругать.

— Я за руку её схватил бы, если бы она схватила его. Неважно, чей ребёнок.

— Вы уже успели схватить.

Данила ставит коробку на стол, поворачивается. Я выдерживаю взгляд. Он держал дочь за руку, я отодвигала своего сына. Только я не требовала тут же извиниться.

— Хорошо, — говорит он. — Разницу понял. Я не хотел, чтобы они друг другу сделали больно.

— Я тоже. Только они и так уже друг другу сделали больно. Не руками.

Он кивает не сразу. Наливает воду, слишком высоко поднимая чайник; брызги попадают на край чашки, мне приходится отодвинуть руку. Данила ставит чайник, смотрит на лужицу возле блюда и берёт полотенце.

— Вы ещё в прихожей всем сказали, что делать, — добавляю я. — И где не надо строить. Лёва даже поздороваться не успел.

Он вытирает стол, смотрит на меня поверх полотенца. Я жду очередного «он уже понял», но Данила спрашивает совсем другое:

— Сколько у меня замечаний осталось? Я бы сел.

Я фыркаю раньше, чем успеваю удержаться. От того, как серьёзно он это сказал, становится смешно и немного стыдно. Взрослый мужчина приглашал нас в гости, помогал поднимать диван, заварил чай. Теперь стоит у собственной плиты, а я перечисляю ему ошибки по порядку.

— Ещё вы неправильно держите чайник, — отвечаю я. — Но это уже не по работе.

Данила смотрит на чайник, снова на меня. У него дёргается угол рта, и я смеюсь ещё раз. Он подвигает мне стул, садится напротив, складывает полотенце на коленях.

— Вы тоже, — говорит он, — успели приказать Льву убрать руку с рукава. Он сразу убрал.

— Он рукав растянул бы.

— А мой ковёр деталями засыпать можно?

Я смотрю на него и уже не могу сделать сердитое лицо. Данила берёт нож, отрезает два куска пирога, один кладёт мне на тарелку. Слишком большой. Я собираюсь возразить, он поднимает глаза; мы оба успеваем вспомнить про мои замечания. Я молча придвигаю тарелку.

За его спиной на подоконнике сохнут кисти, одна лежит поверх перевёрнутого стакана. Ника сегодня была на рисовании. Как прошла её встреча с матерью? Я отламываю вилкой край пирога, удерживаюсь от вопроса. Можно хотя бы несколько минут не говорить про Кристину и Мишу.

— Вам сахар? — спрашивает Данила.

— Нет. Спасибо.

Он тянется к верхнему шкафу за салфетками. Я отвожу чашку, чтобы он мог положить пачку на стол, и вдруг замечаю, что смотрю на его руку. На светлые волоски возле локтя, на жилку вдоль запястья. Сегодня он не сидит напротив в куртке, не прячет руки вокруг остывшего кофе. Я успеваю рассмотреть слишком многое и делаю глоток, обжигаю язык. Данила спрашивает, горячо ли, я качаю головой, хотя глаза уже слезятся.

В гостиной гремят детали. Мы оба поднимаемся, но Лёва кричит, что всё нормально, только крыша упала. Данила отодвигает тарелку, идёт посмотреть. Я слышу, как сын объясняет, что гараж теперь для больших машин, нужно ещё одно крепление. Мужчина опускается рядом с детьми, спрашивает, что разрешают взять из коробки. Ника находит длинную деталь и отдаёт ему. Я остаюсь у двери с чашкой, наблюдаю, как все трое поднимают ворота, чтобы не рассыпалась одна сторона.

Телефон звонит в кармане куртки. Я оставляю чашку на столике у двери, возвращаюсь в прихожую. На экране Миша. Несколько секунд смотрю на имя, потом отвечаю. Он спрашивает, можно ли поговорить со Львом, и я не нахожу причины отказывать. Сын отодвигает детали, вытирает ладони о брюки и берёт телефон. Папу встречает совсем другим голосом, радостным, немного торопливым. Я возвращаюсь за своей чашкой, даю им поговорить.

— Нормально. У бабушки ел. Мы сейчас у Ники, — слышу из гостиной. — Я тебе потом покажу. Нет, не дома.

Данила просит подержать край гаража, чтобы вставить крепление, сын отвечает, что одну минуту. Я подхожу, показываю, что сама подержу. Лёва садится на подлокотник дивана, объясняет отцу, что Никина мама привезла её с рисования, а мы приехали потом. Ника перестаёт искать детали.

— Я не знаю. Пап, дядя Данила помогает, — говорит сын. Поднимает на меня глаза, закрывает ладонью низ телефона. — Мама, он тебя хочет.

Беру телефон, киваю Даниле, что отпущу гараж. Он подхватывает его с моей стороны. Я иду в прихожую, придерживаю дверь в гостиную, чтобы она не хлопнула.

— Полина, ты где? — голос Миши звучит так, будто я должна была уже несколько минут оправдываться.

— Со Львом у Ники. Она его позвала. После бабушки приехали.

— В доме Орлова?

— Да.

Миша молчит. Я слушаю его дыхание, знакомое до боли: он так прижимал к себе телефон, когда мы разговаривали из разных городов, и я знала, что он улыбается. Сейчас улыбки нет.

— Я не понял. Ты зачем туда пошла?

— Дети хотели увидеться.

— Дети увиделись бы завтра. Мы всё предложили. Ты отказалась, зато к нему сразу поехала?

— Лёва завтра встретится с тобой. Сегодня он встретился с Никой. Ты знаешь, они со вчерашнего дня не разговаривали?

— Ты опять начинаешь про ребёнка. Я спрашиваю, что ты делаешь у чужого мужика дома.

У меня нагревается лицо. В первую секунду даже приятно слышать это раздражение: ему всё-таки есть дело, где я. Потом он требует взять Лёву и немедленно уехать, и я крепче сжимаю телефон.

— Я в гостях, Миша. Пью чай. Сын строит гараж.

— Он тебе позвонил, предложил приехать? Ты хоть понимаешь, зачем ему это надо? Кристина узнала бы, что вы там, она...

— Что?

— Это некрасиво. Я тебе прямо говорю. Ты же знала, что это её дом.

Смотрю на дверь в гостиную. Под ней видна узкая полоска света; кто-то из детей прокатывает машинку, и она задевает ножку стула. Я могла бы сейчас открыть, позвать Лёву, начать складывать детали. Он огорчится, но поедет со мной. Данила отойдёт в сторону, больше не будет предлагать чай. Миша услышит, как застёгивается куртка, успокоится и вернётся к своему вечеру.

— Кристина ушла отсюда вчера, — говорю я. — Так же, как ты ушёл от нас. Данила сам решает, кого приглашать.

— Не уходи от вопроса. Забирай сына, езжайте домой. Поговорим, когда успокоишься.

Я ставлю чашку на скамейку, перехватываю телефон удобнее. Не хочу, чтобы он слышал, как дрожит голос, поэтому говорю медленно: «Мы уедем, когда соберёмся. Завтра в двенадцать ты приедешь за Львом, я помню. Но ты больше не решаешь, где мне быть и с кем пить чай». Миша начинает отвечать, я заканчиваю звонок, остаюсь стоять возле двери. За ней сын просит Нику пустить красную машину первой, она возражает, что сначала надо убрать крышу. Я слушаю, пока дыхание не становится ровнее, потом беру чашку со скамейки и возвращаюсь к ним.

Глава 6. Наши выходные

Полина

На входе в турбазу Лёва принимается разворачивать плед: уверяет, что в сложенном виде не может его нести. Я держу сумку с едой, ловлю угол раньше, чем он попадает в лужу, и предлагаю поменяться. Сын согласен, но теперь ему мешает термос. Пока мы перетасовываем вещи, мимо проходят две семьи из нашего класса; папа одного мальчика несёт сразу три рюкзака и ещё успевает поправлять жене капюшон. Я отворачиваюсь к воротам, будто ищу вывеску. Раньше я тоже могла просто отдать Мише тяжёлое.

За эту неделю я взяла двух новых детей, по вторникам и четвергам теперь работаю дольше. В воскресенье Миша привёз сына ровно в пять, как обещал. Они погуляли вдвоём, Лёва рассказывал про огромный экскаватор за оградой, потом спросил у отца, не останется ли он на ужин. Миша посмотрел на меня, хотя отвечать должен был сам. Я ушла на кухню. Сегодня, собираясь на субботний школьный выезд, положила в сумку две ложки, подумала и добавила третью. Она там лежит до сих пор.

— Полина! Мы вот тут, — зовёт Ирина Вадимовна, стоя у деревянной беседки. На ней непривычные джинсы, в руках стопка листов. — Лев, у нас для тебя работа найдётся. Сначала отметьтесь, а потом можно идти к остальным.

Сын забирает плед. Ставлю галочку в списке класса против нашей фамилии. Напротив Орловой она уже есть; замечаю это раньше, чем успеваю найти глазами Нику.

Девочка стоит возле деревянной ограды, рассматривает шишку. Данила рядом прикручивает крышку к бутылке. Ника увидела нас, делает шаг, потом ждёт, пока Лёва подойдёт сам. После прошлой субботы они снова разговаривают в школе, но сын больше не оставляет у неё на парте свои вещи.

— Тут белка была, — говорит Ника. — Папа видел.

— Где?

Она показывает на сосну. Лёва запрокидывает голову, едва не наступает Даниле на ботинок. Тот придерживает его за плечо, здоровается со мной, предлагает поставить сумку на лавку. Ставлю её, снимаю плед с плеча сына.

— Мы после рисования, — говорит Данила. — Чуть не забыли краски в машине. Она собралась рисовать белку, пока та не убежала.

— Я по памяти могу, — возражает дочь. — Только она не рыжая была. Серая.

Он смотрит на меня, я невольно улыбаюсь. У него в волосах застряла сухая сосновая иголка, и я протягиваю руку, прежде чем думаю, стоит ли. Данила замирает; вытаскиваю иголку, показываю ему. Лёва уже дёргает Нику за край куртки: другие дети нашли дорожку к ручью. Она освобождает рукав, идёт с ним. Данила проводит ладонью по волосам и всё-таки спрашивает:

— Больше ничего?

— Пока не вижу.

Открываю сумку, достаю контейнер с сыром. У меня горят пальцы, которыми только что коснулась его волос; пытаюсь занять обе руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.